

1982 год, еще вчера яркий и беспечный, полный надежд, уже отсчитывал свои последние унылые недели. Сумеречный ноябрь засыпал улицы Омска сырыми хлопьями снега, бил в спину порывами ветра... Природа ждала приближения зимнего часа, чтобы безответственно и безразлично впасть в холод, в отчуждение, в сны.

Взвод курсантов привычно в ногу шел мимо концертного зала филармонии. Идти мелко, вразнобой за годы службы стало неудобно, некомфортно и даже утомительно. «Вот до чего дошло, — усмехнулся Платов, — идешь в ногу — уже не толпа, а строй, в строю — как дома. Деформация, что ли? Нет, неприятное слово. Это воспитание».

Звонко, празднично, не попадая в природную меланхолию, стучали подковки начищенных курсантских сапог.

— Мужики! Смотри! Пугачиха!

— Да ладно, откуда?

— Точно она.

— Я вам говорю! Вон она у концертного зала, у служебного входа курит, видишь, ну? — Коля Волчков, коренастый паренек с задатками боксера, родом из крупного соседнего села, так и не оставил за три года привычки удивляться каждому событию, стоило оно того или нет.

На заднем дворе филармонии, если можно так выразиться, со стороны сквера,

действительно, стояла женщина с непокрытой головой, очень похожая на Аллу Пугачеву, такая же рыжая, с длинными кудрявыми волосами, а еще с подпорченным настроением, поскольку процесс курения не был для нее отдыхом. Это был именно рабочий перерыв, продолжение работы, она над чем-то ломала голову, уставившись взглядом в мерзлый асфальт и изредка отвечая на вопросы толпившихся рядом коллег.

— А кто это рядом с ней, ее музыканты? «Рецитал», что ли?

— Колян, ты любопытный, тебе лучше знать.

— Разговоры в струю! — весело, не поворачивая головы, бросил старший сержант Луговой, командовавший взводом.

— Костя, Пугачиха приехала, у нее концерт сегодня, — Волчков не унимался.

— Ну и что. Взвод! Раз, раз, раз...

— Хоть бы одним глазком...

— На ее концерт без билета не прорвешься, не тот случай. Полный облом, — это Антонов, он местный, омский, не болтлив, но в курсе всех новостей.

— Да ладно, первый раз, что ли?

— Уже узнавали. Аншлаг, там даже стулья в проходах ставят. Филармония делает выручку на год вперед. Нет, сегодня на вахте не пропустят.

— Иван, а ты? Может, рискнем? — Волчков был настойчив.

— Преодолеть столько препятствий ради курящей женщины?

— Это же Пугачева! Звезда! — Коля использовал самый сильный аргумент. — Женщина, которая поет, ее вся страна знает, ну?

— Она женщина, которая курит, — осенняя сырость портила настроение, и Платов был раздражен.

— С курящей девчонкой я даже знакомиться не стал бы, — заявил о себе Китаев. Сам он выкуривал по пачке в день или больше, имел нездоровый цвет лица, что не мешало ему трижды бросать курить на спор и за деньги. — Что ты удивляешься? От нее же не духами пахнет, а табачищем несет. Представляешь, нет? Бр-р...

— Представляю, — Волчков, гримасничая, втянул в себя носом воздух. — Как от тебя!

При этих словах взвод вместе со своим строгим сержантом грохнул от смеха, порядка явно стало меньше.

— Целоваться с ней, что ли?

— Отказался бы, Колян? — подначил его Стародубов.

— Да она старуха, ей тридцать лет.

— Ты определись: то звезда, то старуха. А по мне, так хороша, конфетка, все на месте — что еще надо? Я бы с ней... ух!

— Слушай анекдот, — влез в разговор Зубатов. — В XXI веке студента на экзамене спрашивают: «Кто такой Леонид Ильич Брежнев?» Тот замешкался. Преподаватель ему — мол, плохо, товарищ студент, не подготовился к сдаче. Брежнев — это крупный политический деятель времен Аллы Пугачевой.

Как всегда, зубатовский анекдот оказался не смешным, тем более, что он был «с бородой».

— Похоже, это будет не анекдот, Пугачева в самом расцвете славы, а Брежнева уже две недели как отнесли, — Куприн, взводный мозговой центр, по-своему подвел итог околос звездного разговора.

Со звездами покончили, хотя, если без лукавства, Алла была единственной звездой на небосклоне восьмьдесят второго года, а ее появление

в Омске было грандиозным событием, на которое никто из этого строя не мог попасть. Вот если бы Высоцкий, они бы прорвались, они бы смогли... Но Высоцкого уже не было.

— Между прочим, ветерана войны отнесли, героя, на Малой земле вместе со всеми пластался, из сталинской эпохи вышел, — не к месту произнес Платов. — Кстати, при нем День Победы отмечать начали. И что бы там ни говорили, таких уж нет и не будет.

— Ага, героя... Ему грудь расширяли, чтоб было куда медали вешать.

— Скалозуб, чтобы шутить, извилины иметь нужно, — Платова задел этот дурашливый кухонный треп. — Он единственный из Политбюро, кто воевал, цену войне знал. За широкой грудью Брежнева, да и за спиной тоже, многим странам спокойно жилось, еще вспомнят.

— Вспомнят, — буркнул себе под нос Куприн, — вон «Голос Америки» каждый день истерит. Весь мир напрягся.

— Откуда знаешь?

— Да так, слушаю иногда.

— Хлеба и зрелищ! Ждут продолжения спектакля, — не унимался Зубатов, не в силах остановиться.

— Не смешно. Войны боятся.

— С чего бы, Купер? Мы что, сумасшедшие? — вопрос Платова повис в дрожащем воздухе, ответ был известен всем, сумасшедших в мире хватало и без нас, и все молчали. — Или за океаном с головой не дружат?

— Сам решай, — Куприн повел плечами. — Они в свое время отбомбились по Хиросиме. Долго не сомневались, выбрали подходящий повод, вот теперь и *менжуют*.

— Вдруг и мы подберем повод?

— Вот-вот, по образу и подобию, да с новым-то руководством.

— Мы семнадцать лет курс не меняли. И что теперь?

— Никто не знает, что теперь.

Взвод курсантов, все так же стуча подковками сапог, пряча шею от холодного ветра, молча внимал попутному разговору Куприна и Платова. Мир несправедлив, дьявольски несправедлив и даже беспощаден, не так давно он докатился до Второй мировой, случись что с этим миром — лейтенантские погоны им вручат досрочно.

— Вообще-то была разрядка.

— Если бы не Афган...

— Он американцам — как кость в горле. Напряглись, все их планы на востоке трещат по швам.

— Не обольщайся, в ЦРУ всегда найдется план «Б», а все запасные варианты как раз для нас, для военных.

— Умеешь ты найти правильные слова.

— Не дрейфь, разберемся.

— Само собой...

— Взвод, разговоры в строю! Раз, раз, раз...

Для Платова этот год был лучшим годом в жизни, временем двадцатилетия, когда сил и возможностей так много, что не знаешь, как ими распорядиться, когда отвечаешь только за себя, когда пора выбирать спутницу жизни и желательно не только по сердцу, но и по плечу. И что там эти подлые американцы с их бесовскими планами? Разве могут они что-то поколебать в этом вселенском благополучии, когда впереди такая долгая-долгая счастливая жизнь...

Замполит батальона Токарев по пятницам проводил политзанятия, правильнее — доводил до курсантов информацию по обстановке в стране и в мире. То, как он это делал, всегда было утомительно и скучно, хотя бы потому, что историю и современную линию партии в лицах и в фактах они и так изучали на кафедре, их головы были крепко забиты выкладками из ленинских работ, материалами последних съездов и мировых событий. Подготовка курсантов была выше, чем у замполита. Токарев же, расхаживая между рядов, продолжал повторять прописные истины, внезапно заглядывая кому-нибудь в глаза, как будто проверял политическую зрелость и преданность партийной идее. Это коробило, вызывало насмешки, но замполиту все было нипочем, он упрямо гнул свое, просвечивал души будущих офицеров, как будто хотел вычислить еще потенциального предателя.

Сегодня он рассказывал курсантам о лейтенанте Стовбе, героически погибшем в Афганистане. В изложении Токарева поступок офицера, как и вся его короткая жизнь, скатился до уровня обыденной пропагандистской листовки. Для замполита, что Карацупа в далеком 1936 году, что Стовба в 1980-м — герои из одной обоймы, легенды. Но знаменитый пограничник до сих пор жив-здоров и благополучен, а их ровесника, мальчишка, уже два года как нет в живых. Не так проста эта современная история, как будто из нее убрали логику, исказили смысл, превратив простые пути в лабиринт. В мире гибнут люди — так было всегда, но теперь это касалось их лично. Они слушали рассказ о Стовбе, как слушают тишину, пытаюсь даже в косноязычной речи Токарева уловить что-то крайне важное, что и сам Токарев не понимает, не может оценить. Тот лейтенант был такой же породы, что и курсанты, и сейчас они шли его следами, его горной тропой навстречу бандитам, чтобы вместе с ним стать перед выбором: жить или умереть, сжать до скрежета зубы и сделать выбор... выбор не в пользу жизни. Замполит, наклонив голову с лоснящимися залысинами и вывернув кисть руки, высматривал на часах время до окончания занятия.

— Будучи членом партии и понимая свою ответственность за выполнение боевой задачи, за жизнь своих солдат, лейтенант Стовба остался прикрывать отход подразделения, он принял решение...

— Слышь, Купер, там что-то непонятное происходит. Днем в кишлаках народная власть, ночью — душманская. Что за народец эти афганцы — и нашим, и вашим.

— А ты думал! Душманы — те же басмачи, люди их боятся, они головы отрезают, животы вспарывают, землю в кишки насыпают.

— Дикое средневековье, — шмыгнул носом Платов, представив кровавую резню и тут же отстранившись от нее. — Зачем, в чем смысл?

— А тебе смысл во всем нужен? Так ничего нового — запугать. Вот Стовба и не сдался, приберег последнюю гранату для себя.

— Я думаю, они так утверждают. Ну, как звери в лесу: я самый сильный, самый страшный, и это моя делянка.

— При любом раскладе офицеру в плен нельзя, — Куприн на секунду ушел в себя, прикусил нижнюю губу, он тоже думал об этом.

— Не все они просчитали. Мы только злее становимся.

— Все — не все, парня нет. Он из Белоруссии?

— Оттуда. Где Белоруссия, а где Афганистан?

Случайный вопрос Платова растворился в воздухе среди других случайных мыслей; как оказалось, он совсем не нуждался в ответе...

— Ведомая партией и правительством, — продолжал замполит, — исполняя свой интернациональный долг, наша армия самоотверженно решает поставленные перед ней задачи. Решает их в сложных условиях горно-пустынной местности, как это происходит сейчас в Афганистане. Конечно, мы там не только дома строим, муку и керосин местным беднякам раздаем, как это пишут в газетах. Совместно с афганской армией мы ведем боевые действия по поимке и уничтожению местных банд, которые терроризируют население и убивают дехкан, перешедших на сторону законного правительства. Мы сопровождаем грузы, охраняем электростанции...

Афганская тема медленно вползала в курсантскую жизнь, странно, что никто раньше не связывал это напрямую с собой. Они — военные, а разгоревшаяся война по-прежнему остается далекой, неясной. Какие-то дома строят. Разве для этого вводили военный контингент? Надо было строителей вводить бригадами и батальонами. И вот громом среди ясного неба рассказ о Стовке, замполите роты, герое. Что там случилось, если ему пришлось так поступить? Как в Великую Отечественную. Прикрывал своих до последнего патрона, получилось — до последней гранаты. Пацан совсем, романтик, говорят, стихи писал. Теперь тоже будет легендой, на уроках истории пионеры его биографию будут зубрить, пересказывать, как он дошел до такой жизни... то есть, до такой смерти. Вот и дилемма: жизнь — обычная, смерть — геройская. Разве он хотел такой дилеммы? Да и пионеров напрягать не хотел.

На самоподготовке Платов часто оказывался рядом с Китаевым. Общие интересы у них было меньше, чем противоречий, но, как известно, противоположности притягиваются. У Китаева был критический ум; по поводу окружающего мира, по поводу братства и добрососедства он не питал иллюзий, никому не доверял, во всем сомневался, и сами по себе его сомнения были интересны. Приятели, если их так назвать, постоянно спорили друг с другом, хотя редко докапывались до истины. Возможно, этот странный тандем связывали и симпатии. Вот и сейчас, добравшись друг до друга, как до первоисточника, они сразу же вернулись к горячей теме.

— Помнишь, что сказал Токарев: «Он принял решение...» Я чуть не поперхнулся, — Китаев задрал на лоб свои брежневские брови. — Да какое, к черту, решение? Стовка ничего не мог изменить.

— Что нельзя изменить, нужно с достоинством перетерпеть.

— Ну да, начитался классиков... Только книга — это смесь нотаций и назиданий, мол, раньше умнее были, а жизнь...

— ...дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

— Кто бы сомневался.

— Шура, ты бы смог вот так?

— Что смог? — не понял или не захотел понять вопрос Китаев.

— Ну так, как этот парень... Вот ты живой, вот враги, вот граната — и вдруг все — тебя уже нет.

— Э-э, не разгоняйся, тормозни маленько, — Китаев сощурил плутоватый глаз, приготовился долго и нудно рассуждать, он любил это делать. — В бою надо быть хитрее, расчетливее. А тут что? Сначала завести

ситуацию в тупик, когда уже нет никакого выхода, потом играть в Гамлета. В этом, что ли, героизм? Потом, в финальной сцене, рвануть себя и вписать свое имя в анналы мировой истории.

— Ты циничный.

— Я не отрицаю. Циник — что трезвенник. Я трезво размышляю, готовлюсь действовать в реальной обстановке, а быть дураком и жертвенной овцой не собираюсь. Наоборот, хочу понять, зачем мне это надо, в чем мой интерес?

— В чем твой интерес... А не будет интереса, тогда что?

— Кто ты такой, чтобы спрашивать?

— Заранее ищешь пути отхода? Как бросить своих и слинять?

— Ты осторожнее на поворотах, а то в рог получишь.

— По какому поводу?

— А не нравишься ты мне.

— Взаимно, — Платов озлобился. — Ты не просто циник, ты — сволочь, будет выгода — мать родную продашь.

— Приятно слышать высокие слова от просвещенного Вольтера.

В классе самоподготовки вдруг стало душно. По лицу Китаева расплывалась ядовитая саркастическая усмешка. Она появлялась всякий раз, когда его оппонент начинал горячиться, она была знаком его превосходства. Через секунду каким-то непостижимым образом в эту оскорбительную усмешку впечатались жилистый кулак Платова. Голова Китаева резко откинулась назад, он бы слетел со стула, но успел ухватиться за угол столешницы, выражение лица исказилось, смялось, сменилось недоумением, он не пытался спросить «за что» и только взялся за нос, удерживая кровь. Платов, чтобы не оставалось непонимания, четко произнес:

— За Стомбу.

Зубатов удовлетворенно крякнул: все веселее, чем корпеть над электросхемами. Кошелев, наблюдавший эту сцену с самого начала, встряхнул кучерявым чубом, неловко отшатнулся. Антонов ждал продолжения — обстановка в классе явно посвежела. Луговой поморщился от досады: благоразумие в его взводе не приживалось. Чесноков, которого за прямому звали Честным, с интересом посмотрел на других курсантов: вот так, ребята — не надо накапливать проблемы, их надо решать сразу. И только Волчков, сидевший к спорщикам ближе всех и зубривший устройство бронетранспортера, заткнув для надежности уши, даже не заметил, что произошло.

Голова Китаева медленно вернулась в исходное положение, на запрокинутом лице после нескольких судорог снова обозначилась полуулыбка, немного подпорченная красными соплями. Он сдержался и не пытался ответить на выпад Платова.

— А вот здесь ты не прав, дорогой Вольтер, тебе не хватает выдержки и... чего? Правильно, аргументов. Вместо них — что? Правильно, зурядная грубая сила, — он втянул разбитым носом воздух. — Хм, чужой подвиг к себе примерил? Примерил... Так вот, продолжаю, когда дело доходит до лейтенантского героизма, ищи в предпосылках тупого начальника, кретина, который не разобрался в обстановке. Который не способен командовать. Который его подставил, чтобы не подставляться самому. Этот же командир сделает из него героя, но не в виде реверанса, а потому что аура героизма прикрывает любые просчеты. И преступления тоже. Что, не так?

Молчание затянулось.

— Извини, Шура, я погорячился, — выдавил из себя Платов.

Ему вдруг стало неловко. Грубая сила — бездарный аргумент, а такая очевидная, такая высокая правда о герое-лейтенанте оказалась слишком тонкой материей, отчего Платов не сумел ею распорядиться, она порвалась. Дело не в тупых начальниках — дело в том, что Стовба сам сделал свой смертельный выбор. Костяшки пальцев, белые, как бумага, сжимали гранату, они не хотели разжиматься, отпускать спусковую скобу. Как же ему было страшно! Китаев был удовлетворен, но губы все-таки покосывал, и Платов, понимая, что сказал не все, негромко добавил:

— Удар за тобой.

— Само собой. Как же иначе? — по лицу Китаева снова ползла неприличная улыбка. — Обязательно воспользуюсь...

Следующим вечером, когда прошло больше суток, перед отбоем Китаев буквально подловил Платова, окликнув его из-за спины. Когда Платов повернулся, сильный удар в лицо отбросил его на спинку кровати.

— Ну ты... — он хотел добавить «козел» и осекся, вспомнив вчерашний разговор и свои последние слова, больше похожие на поражение, чем на рыцарское благородство. — Ладно, проехали.

— Теперь мы в расчете, любезный Вольтер.

Платов терпел наказание, которое сам себе и назначил, волочил свои вериги, и только всплеск эмоций мешал ему почувствовать, как с каждой толикой испытаний становилась надежнее и прочнее тонкая материя его правды.

* * *

— Рота! Смирно! — зычно подал команду дежурный по роте и, приложив руку к виску, начал печатать шаг по казарменному паркету навстречу командиру для доклада.

— Вольно! — отмахнулся Старыгин. — Дежурный, всем построение через пять минут.

— В расположении только три взвода.

— Действуй.

Когда взводы построились в двухшереножный строй, командир роты продолжил.

— Товарищи курсанты, сегодня утром к командованию училища обратились за помощью гражданские. Умирает полугодовая девочка. — Он выдержал паузу, заложил руки за спину. — Слушай мою команду! Всем, у кого третья группа крови, резус положительный, выйти из строя.

Четыре человека, включая Платова и Скратченко, стоявшего с ним рядом, сделали два шага вперед.

— Да, не густо... — Старыгин подошел к курсантам, обвел их оценивающим взглядом. — Надо будет отдать по пятьсот кубиков, по поллитра. Если кто менжует, не заставляю. Хотя... на последнем курсе менжовать поздно. Сами дорогу выбирали. Все готовы?

— Так точно, — прозвучали вразнобой четыре ответа.

— Ясно. На сегодня освобождаетесь от занятий. Все процедуры, все остальное объяснят в санчасти...

К военным людям часто обращаются, когда нужна кровь. Логика проста, как унитарный патрон: военным крови не жалко, они готовы платить аванс в счет безликого будущего, в которм их самих будут спасать,

вытаскивать с поля боя, с того света. Всему свой срок. Сегодня они молодые, здоровые парни, сегодня они лучшие, а потому отдать свою кровь — не тема для обсуждения, это так же легко, как закрутить гусарский ус, лихо вскочить в седло, рассказать анекдот от Ржевского. Ну и бесшабашность никто не отменял, куда без этого? Что же до молодых барышень... Пусть им повезет, и в трудный час рядом с ними окажутся рыцари своего времени, у которых не то под кольчугой, не то под шинелью скрываются большие горячие сердца. Но, если честно, если без пафоса, курсантов готовят для другого дела, часто по молодости они и сами не догадываются, для чего. И если уж придется отдавать кровь, то целиком, всю...

У крошечной Ани тяжелое воспаление лимфатических узлов, осложненное воспалением легких — таков был диагноз, и шансы выжить у ребенка уменьшались с каждым часом, да собственно, их практически не осталось.

Услышав эти слова начальника местной терапии, Володя, отец девочки, в растерянности замер посреди коридора, стал заикаться, глотать слова: «Да как же так... как же... сделайте что-нибудь». Он еще держался на последнем нерве, а мама Ира, молоденькая худая женщина с большими глазами, скулила, как замерзающий щенок, заставляя всех окружающих чувствовать себя виноватыми. Из этих ее больших глаз покатались горошины слез, оставляя на распухших щеках долгие потеки туши. Муж попытался ее успокоить, схватил за руки, прижал к себе. На его пиджаке неровной дорожкой тоже отпечатались тушь. Но доктор был опытен в таких делах — Москва слезам не верит — его внимательный ищущий взгляд перебежал то на отца, то на мать, выискивая звено, поддающееся внушению, он осмысленно сказал родителям о худшем, чтобы заранее себя обезопасить. На всякий случай. Когда рушится целый мир, поздно отвечать на вопрос, кто виноват. Что другим беда, ему — работа. Грубо? Никто и не спорит, но собратья по цеху его поддержат: мол, какая профессия, такие и издержки.

После всхлипываний и всех завываний Ира, наконец, отняла мокрое лицо от мужниного плеча и повернула голову в сторону, на скрип половицы, словно ей подсказали. Следом за ней доктор и Володя, не сговариваясь, тоже повернули головы и стали долго, сосредоточенно рассматривать парней в военной форме, смущенно переминавшихся у синей больницы стены...

— Во-от. Вот они и есть ваш последний шанс.

Доктор был все так же значителен, в его интонации не проявилось ни капли смущения, он продолжал тянуть паузу, он сделал, что мог, и был уже готов торжественно умыть руки. Они пришли, ну и славненько.

— И что теперь?

— Нам осталось попробовать прямое переливание. Здоровая кровь должна остановить воспалительные процессы, она сама по себе лекарство, так сказать, средоточие жизненной силы. Процедура сложная, есть риски несовместимости, поэтому применяется в исключительных случаях. Как раз ваш случай. Теперь все зависит от этих ребят. Уяснили?

Странная вещь эта кровь. Живым ручьем она течет в человеке, как течет жизнь, она соединяет всего человека в единое целое, собирает, выстраивает все его составные части и частицы. Когда он болен, она заботливо, ненавязчиво питает его собой, своим целительным бальзамом, оmyвает раны, врачует каждую истрадавшуюся клетку, спасает ее. Она способна влиться и в другое тело, в другую жизнь, и точно так же продолжит

ет спастись, забирая и растворяя в себе чужие страдания. Наши древние предки не знали медицины и вместо новомодного слова «иммунитет» говорили проще и понятнее: здоровая кровь.

— Валера, на текущий момент мы с тобой аналог аптечного склада с дефицитными и бесценными медпрепаратами, — Платов попытался смягчить обстановку и толкнул товарища в бок. — Врубаешься?

— Врубаюсь... — Скратченко снисходительно оглядел испуганных родителей и бодро продолжил: — А подать сюда накладные и стерильные емкости, свежая кровушка к выдаче со склада готова.

— Ир, все будет в лучшем виде! — Платов, в отличие от доктора, искал звено, нуждающееся в поддержке, и нашел. — Ты посмотри на этого карпатского медведя — крепкий, розовощекий, ему бы подковы гнуть. Я тоже ничего, да? Здоровый образ жизни, свежий воздух и сметана творят чудеса. По-честному, у нас этой крови вагон и маленькая тележка.

— Ага, цистерна и маленький бидончик, — подытожил его товарищ.

Ира закончила размазывать по щекам слезы, успокоилась, даже чуть посветлела лицом. На нее смотрели любопытные глаза уверенных в себе людей, которые точно знали, что все будет хорошо. Она едва доставала им обоим до плеча и казалась рядом с ними маленькой девочкой, которая, наконец, нашла защиту. Вместе с мужем Володей они буквально пожирали взглядами курсантов, позабыв о стоявшем за спиной строгом многоопытном докторе, ощущая, как всколыхнулась их слабая надежда, этот негасимый зеленый росток, который ни за что не хотел сдаваться холодам.

— Анечка выживет?

— Родители, странные вы. Какие сомнения? Мы победим!

Обещать было легко, как будто в каждом слове пряталась капля духа, и она вливалась в бедных родителей, укрепляя их. Хотелось пообещать чего-то еще, лишь бы оно сбылось. Ничего не соображая в медицине, они уже знали: верить и ждать — это все, что дано человеку. Значит, надо верить и ждать.

— Главное, ввязаться в бой, — завершил разговор Платов.

Полчаса нудного ожидания, и вот медсестра несет из лаборатории контрольные результаты анализов, оба претендента прошли тест на совместимость и были готовы поделиться самым сокровенным. Привезли спящую девочку, маленький комочек жизни, прикрытый пеленками, детским одеялом, уложили на медицинскую кушетку. Рядом, на соседней кушетке, с закатанным рукавом кителя расположился Скратченко.

— Напрягите руку, работаем кулаком. Так, хорошо. Раньше кровь сдавали? Нет?

— Раньше нет. Это не важно.

Он с сочувствием посмотрел на малышку. Повернутая набок головка с бледной кожей была безжизненна. Черты лица, на котором отражалось страдание, только формировались, но уже несли в себе облик нового человека, который вот-вот подтянется и станет большим. Скратченко вдруг стало неудобно и жутко, что вдруг он не сможет помочь, не хватит сил, здоровья. Или не хватит веры. Перед ним на кушетке не по росту лежал Человек, такой же, как и он, только очень-очень маленький.

— Девочка — это наша забота, а вам нельзя волноваться, ваше дело — кровь, закройте глаза, думайте о приятном, расслабьтесь...

И почему нельзя волноваться? Как же тогда жить?

Вчетвером они еще долго сидели все в том же синем больничном ко-

ридоре в жестких неудобных креслах для общественных мест. Курсанты привычно ждали, прикрыв глаза; родители нервничали, ерзая, вскакивая с кресел, расхаживая по коридору, они никак не могли прийти в себя... Ожидание тянулось. Минут через сорок или больше подошел тот самый прагматичный доктор, успокоил, сказал, что переливание прошло успешно, температура у девочки снижается, она спит. Потом неловко улыбнулся и вдруг, нарушая собственные каноны, игриво, не по-медицински произнес:

— Родители, да не переживайте вы так! Все будет хорошо.

— Все когда-нибудь будет хорошо, — вполголоса проговорил Платов. — Надо только дождаться.

На улице, сырой от мартовской слякоти, несмотря на ранние сумерки, было тепло, фонари рассыпали праздничный желтый свет, в воздухе угадывались запахи начинавшейся весны.

— После такого дела надо бы подкрепиться, — Володя вопросительно и даже виновато посмотрел на курсантов; главное, чтобы они не отказались.

— Решено, — Ира давно взяла себя в руки и теперь смело командовала сама, — идем в ресторан, будем обедать.

— Настоящий курсант от обеда, от усиленного обеда, а также от усиленного ужина никогда не откажется, — сказать иное Скратченко и не мог.

В ресторане после салата «оливье», после мяса по-французски много и тепло говорили о детях, о малышах, поднимали бокалы с красным вином за здоровье Анечки, за счастливое будущее, потом благодарные родители вручили парням конверты с первыми снимками любимой дочки, со своими адресами, телефонами и стали неловко прощаться.

— Я все боялась спросить, — вдруг произнесла Ира, — но не могу вот так, молча распрощаться с вами, все-таки спрошу. Людей вокруг много, а помощь пришла от вас. Скажете, случай? Нет, я так не думаю. Мы вот с Володей немного узнали вас и понимаем, что вы в нашей жизни не случайны. Пришли, как с неба по белой лестнице, и принесли в руках жизнь.

Она вдруг глубоко вздохнула, ее глаза мгновенно стали мокрыми, и она бы зарыдала, если б муж вовремя не взял ее за плечи.

— Как же вы нашли нас? — эти слова она проговорила тихим, почти молитвенным голосом.

— Да легко, — заулыбался подвыпивший Скратченко, готовый еще раз рассказать, что все люди — братья, что им всем повезло, и они встретились, но Платов его одернул, почувствовав, насколько сложен вопрос.

— Ира, ну, во-первых, мы обыкновенные люди. А я убежден, обыкновенные люди — это и есть хорошие люди, значит, нас много и вместо нас мог прийти кто-то другой.

— Нет-нет, — она встрепенулась, взмахнула рукой, а потом приложила ее к груди, — я точно знаю.

— Как вам объяснить... Мы — военные, у нас совершенно другая жизнь, не похожая на вашу. Нас готовят защищать Родину, но никто не может объяснить, что это такое, наверное, у каждого родина своя. Так и получилось, что сегодня Анечка — это и есть наша родина, а за нее и кровь отдать не жалко. Вот такая выходит математика.

— Логика, Иван, логика. Умеешь ты загрузить, это точно. — Скратченко вальяжно похлопал его по плечу, посмотрел на смущенных роди-

телей. — На самом деле Старыгин, наш командир роты, приказал, и мы пошли, а приказ... Короче, приказ — это святое.

В училище они возвращались уже с первыми звездами. Перед КПП Скратченко достал из внутреннего кармана кителя увольнительную записку, выписанную на двоих, заодно заглянул в свой конверт.

— Слышь, Иван, а в конверте не только адрес и снимки.

— Деньги? Я почему-то сразу об этом подумал. Зря они так. Мы же от всего сердца, так же ведь?

— В данном контексте так и есть. От всего сердца. Что делать будем?

— Думаю... — Платов поиграл морщинами на лбу. — Думаю, что возвращать неудобно, как ни посмотри, обидятся.

— Да, неудобно, они хотели нас отблагодарить.

— Тогда давай так, на эти деньги мы купим Анечке большого медаведя.

— Ага, карпатского. Каким ты меня и представил.

— К слову пришлось, не обижайся, да и что я могу поделаться, если ты такой здоровый. И теперь Анечкина сибирская кровь перемешана с твоей...

— Медвежьей, — Скратченко сдавленно, с грохотом засмеялся, почти до мокрых глаз.

— Волынской, так и быть.

— Теперь у девчонки есть десяток-другой моих непогрешимых генов, прошедших строгий многовековой отбор.

— Непогрешимых, говоришь? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — На самом деле генов в крови нет. Увы...

— Все-то ты знаешь. А как же понимать «братья по крови»? Это же гены, основы, так сказать, слившиеся воедино. У нас старики на Волыни говорят, что кровь веками хранит память своего народа.

— Братья по крови — метафора, вроде как вместе навсегда — и в беде, и в радости. А старики ваши правильно говорят. Чтишь веру, обычаи своего народа, чтишь его историю — значит, свой. А передаются они в семье, от отца к сыну, поколениями, получается, что «с кровью».

— Еще они говорят, страна и родина — не одно и то же.

— Вот ты загнул... — Платов изучающе оглядел своего визави. — надо еще понять, что ты сейчас сказал.

— Я думал, ты все ответы в словарях подсмотрел, — Скратченко растянул губы в улыбке, зная патологическую книжную страсть приятеля к познанию всего, что под руку попадет. Эта страсть приобретала особенное значение, когда Платов вдвоем с Куприным вытягивали взвод на семинарах и контрольных занятиях.

— А вот и подсмотрел. Если родина — это *моя хата с краю* при набитых закромах в то время, когда страна голодает... Тогда точно, разные вещи.

— Нет, старики что-то другое имели в виду. — По лицу Скратченко все еще блуждала хитрая улыбка провокатора.

— Удельные княжества в своей истории мы проходили, если ты об этом. Добром не кончилось, побили всех князей поодиночке, не стало Руси. Кстати, интересная поговорка. Почему *хата* — не изба, не дом? Спроси у ваших стариков, может, знают? — Платов загадочно, с иронией посмотрел на товарища.

— Я и сам знаю, — тот самолюбиво приподнял плечи. — Потому что поговорка украинская.

— Украинская так украинская, тебе видней. Только надо выбирать, либо «братья по крови», либо «моя хата с краю». Не вяжутся они. Тот, кто с краю, никому не будет братом. Согласен?

— Ну, согласен.

— Случись что, не каждый родственник вступится за тебя. Вот и выходит, что брат по крови — это больше чем брат. По пролитой крови... Уразумел? Постоим «за други своя», душу положим, а кровь тут при том, что за своих ее и пролить не жалко, так ведь, Валера? Сегодня, между прочим, мы с тобой пролили кровь за своих. Тебе повезло, ты точно знаешь, кому спас жизнь. Невинному младенцу, ангелочку. Когда грехи тебя к стенке припрут, это зачтется. — Платов смотрел на Скратченко и уже не пытался улыбнуться.

— Мне крови не жалко, я еще столько же могу отдать, да прямо сейчас! — Скратченко вызывающе поднял подбородок.

— Это по-нашему, настоящий русский солдат. Еще Суворов говорил, сам погибай — товарища выручай.

— Я украинец, — как-то между прочим снова бросил Скратченко.

Платов не видел больших различий между собой и своим приятелем, ну разве что нос у того был прямой и тонкий, и ума несколько меньше. Ну и что? Все мы разные. Но то, что Валера второй раз подчеркивал свою *местечковую самость*, его удивляло. Какая разница, из какого ты народа, если родился в Советском Союзе и служишь в лучшей армии мира? Что-то он упускал в своих мыслях и, вероятно, это было что-то важное.

— Ну да, украинец, никто и не спорит, только группа крови у нас с тобой одинаковая. Такая вот история, — Платов несильно толкнул его ладонью в грудь. — Люди мы... А медведя завтра купим. Лады?

— Лады, как скажешь.

* * *

Как оказался в ее постели, Платов не помнил. Был уютный вечер, задушевный разговор, портвейн «Кавказ». Неужели все дело в портвейне? Нет кителя, нет галстука, нет ботинок. Когда он успел все это снять? Подозрительно расслаблен брючный ремень. Горячее лицо девушки прикосалось к его лицу, к губам, невнятный шепот щекотал правое ухо. И это было чертовски приятно, это завораживало...

Костя Луговой об этом не просил, да он вообще ни о чем не просил. То, что Лена, его бывшая подружка, до смерти надоела ему своими вздыханиями и настойчивостью, он не скрывал, более того — он не видел выхода, не знал, как от нее избавиться, потому что каждое воскресенье она неотлучно ждала его на КПП, как в засаде. Костя же со своей тонкой душевной организацией не мог ей высказать все, что следует в таких случаях, не мог отказать. Ситуация была не только странная, но дикая: не парень бегал за девушкой, добивался ее, а наоборот. В книгах о таком не писали. Как не помочь товарищу в трудную минуту, особенно в щекотливом женском вопросе — но частная инициатива, как оказалось позже, может завести далеко. Девчонке надо замуж, это ясно, как белый день, есть такая проблема в двадцатилетнем девичьем возрасте. Может быть, и не проблема вовсе при хорошей фигурке и смазливом личике, вопрос всегда в чем-то другом — например, кто у нее будет целью? Своей целью она выбрала Лугового, как будто наверняка знала, что он и есть самый лучший парень среди всех парней Центрального района Омска. Но он был

лучшим не только для нее, но и для своих друзей. Платову, добровольно-му помощнику, всего-навсего нужно было отвлечь на себя внимание и понять, в какой момент следует остановиться — не получилось, флюиды оказались сильнее, аромат рижских духов, опять же вкус портвейна на языке...

Лена-Леночка... Когда она наклонялась над ним, заглядывая в глаза, приоткрывая губы, округлости груди с упругими сосками, выбивавшиеся из-под сорочки, приближались, пленяли воображение. Как хороша эта белая грудь, сильная, податливая, горячая. Это уже не воображение; он опрометчиво выставил ладони, чтобы защититься... и ощутил эту атласную прелесть женского тела. Кажется, она готова, она не остановится, но с Костей они об этом не договаривались. Вдруг пройдет две-три недели, и он передумает? С другой стороны, кому и когда это мешало? В памяти возникла физиономия друга с его фирменной открытой улыбкой (держай, парень!) и пропала... У нее под халатиком, под шелковой сорочкой ничего не оказалось, да и откуда? Осторожно, чуть касаясь кожи, он провел рукой по бедру. Это ее ударило током или его? Потянул ее к себе, медленно вбирая ноздрями запах, замер. В ответ она порывисто, жадно прижалась к нему, и вместо выдоха он выдавил из себя стон. Вот кошка! Зачем она так хороша... *Костя-а, брат, извини, я не хотел, честно, не хотел, это выше моих сил.* О-о, зачем столько ненужных мыслей... Розовый омут окутывал, обволакивал, тащил в пропасть, что от глагола пропасть, на самое дно. Это то же самое, что потерял сознание.

Да... Да... Да...

Не-е-ет... Надо бежать...

Поздно...

Свет настольной лампы под желтым абажуром отбрасывал нечеткие тени, скрадывал темные углы комнаты. Неслышно отщелкивал секунды электрический будильник. Они лежали без движения, провалившись в простыни, в теплую тишину, ощущая полуночную негу. Мир изменился или все тот же? Сразу и не поймешь. Наконец Платов решил заговорить первым.

— Ну, и зачем ты это сделала?

— Я? — Женский голосок с ноткой сладкого томления отказывался признавать очевидное.

— А кто же? Вот же плутовка.

— Все женщины немного плутовки, но ведь тебе же понравилось. Мур-р-р... Мы могли бы встречаться. И ты, как честный джентльмен, — она легко и беззлобно засмеялась, — должен будешь на мне жениться.

— Господи, Ленка, какая ты дурочка... — Ему тоже было весело. — Зачем тебе курсант? У нас же впереди только служба и ничего кроме службы.

— Как зачем? — Почти возмущенная она приподнялась на локотке, обдав его горячим дыханием. — Кто-то в рабочем районе, в «Нефтяниках», всю жизнь прозябать будет, а кто-то через три месяца по Германии гарцевать в красных лампасах. А он говорит, служба... Я вот уже готова к такой службе.

— Лен, жизнь, она... Она совсем другая, — он озадаченно смотрел на свою подружку, — в ней нет простых решений.

— Ванечка, не усложняй, — она продолжала улыбаться, но уже только губами. — Все решения простые, я точно знаю. Германия, Европа, это же другой мир, там все по-другому. Я слышала, там такие красивые сервизы продаются...

— Германия — здорово, почти мечта, а если это будут девственные монгольские степи с табунами диких лошадей, с пыльными бурями и немытыми аборигенами, не думала? Едешь день, другой, едешь-едешь, а степь все не кончается, только пыль стелется шлейфом.

— Степи? Какие степи?

— Обычные, до горизонта. Лен, а если завтра война? — Он впервые высказал это вслух, и это было больше, чем случайная мысль, просто теперь неожиданно она прилась к месту, надо было «дожать» девчонку до конца, отрезвить. — Мы пехота, у нас впереди Афганистан, без шуток, а там, сама понимаешь, как придется. Ты хоть что-нибудь слышала про ограниченный контингент?

— Костя мне ничего об этом не рассказывал, — она поставила наивные глаза, кокетливо надула губки, не расслышав своих собственных слов. — А это что, серьезно?

— Конечно, серьезно.

— Тогда, — она немного подумала, нахмурилась, сморщив лобик, — тогда, как верная жена, я буду ждать мужа с фронта.

— Кого, меня или Костю?

— Тебя, — она потупила глазки. — У меня с Костей такого не было.

— Ладно, поговорили. — Он осторожно вздохнул. — Что дальше собираешься делать?

— Я? Ну, не знаю. Давай будем делать вместе, только теперь я сверху... Так ведь, мой котик, да? Мой самый нежный котик? — Она снова стала ласкаться, исправляя непростительную ошибку.

— Значит, уже котик... — Он хмыкнул. — Так, что дальше?

— Мур-р-р, — Лена положила голову ему на плечо, провела мягкой ладошкой по груди, по животу до самого низа. — Это все надо повторить, мур-р-р...

Она и вправду мурлыкала, не торопясь отвечать на глубокомысленный вопрос про «дальше». Что там крутилось у нее в голове, она и сама не очень соображала, но интуиция подсказывала, было бы неплохо заполучить этого Ванечку. Кажется, он хороший.

— Ну, я не об этом, — он еще пытался себя контролировать, хотя какой к чертам контроль, когда первобытный зов плоти становился сильнее рассудка.

— А я об этом.

— Погоди, погоди же... успеем. Ты ничего этим не добьешься.

— Уже добилась, — она продолжала мурлыкать. — Ты только Косте ничего не говори. Зачем ему?

* * *

Класс самостоятельной подготовки был тесноват, но более всего подходил, чтобы отгородиться от остальной казармы, гудевшей десятками голосов и топотом сапог.

— Закрывай дверь, нечего посторонним нас слушать.

— Да, надо самим разобраться.

— Ну что, все в сборе? Начинаем, что ли?

Наконец, когда все уселись, когда закончили скрипеть стулья и табуреты, Волчков, секретарь взводной комсомольской организации, насупил брови, как он любил это делать в ответственные моменты, прокашлялся.

— Большинство в наличии. Кто за то, чтобы комсомольское собрание открыть?

— Подожди, Колян, — встрепенулся Кошелев. — Замполита позовем?

— Токарева? — оборвал его Антонов и продолжил, сложив руки на груди, — вот он и есть посторонний, не поймет.

— А ротный?

— У нас что, коллектива нет? Или разрешение нужно?

— Обойдемся без офицеров. Это наш вопрос, — поддержал Антонова Платов.

— Ну, так что? Кошелев, ты как? — Тот неуверенно поднял руку, и секретарь облегченно произнес: — Единогласно. На повестке дня сегодня один вопрос: персональное дело комсомольца Кульчицкого. Начинаем официальную часть. Суть дела изложит комсомолец Якубов.

— Короче, пацаны, то есть товарищи комсомольцы, суть такая.

— Да все мы знаем, — Китаев лениво поднял брови. — Давай к делу, Игорек.

— Что ты знаешь? — тот ударил себя кулаком в грудь. — Что у меня вот тут, ты знаешь?

— Порядок-то должен быть, — секретарь растерянно развел руки.

— Ну, так я продолжаю. Короче, мне мать на костюм и вообще к свадьбе прислала триста рублей, я их оставил в каптерке у Земы. Кульчицкий видел, куда я положил деньги, ну так я и не думал, что надо скрываться, что он украдет. Ладно, был бы чужой. Западло это...

— Якубов, можешь не выражаться? На собрании все-таки.

— Короче, он мне не друг. Я его презираю.

— Ты закончил?

— Нет, не закончил, — он зло посмотрел на своего обидчика. — Спасибо Косте Луговому, помог найти вора. Взяли с поличным, без обмана — в подкладку кителя деньги зашил. Все продумал, сволочь! Такому не место в комсомоле. Вот теперь все.

— Комсомолец Кульчицкий, тебе слово. Отвечай.

— Я виноват, — он смотрел в надраенный мастикой паркетный пол, поднимать глаза было некуда. — Поддался соблазну. Деньги. Лежат. Почему бы не взять?

— Из казаков? — вдруг спросил Луговой.

— Какая разница?

— Ты говори, раз спрашивают.

— Ну, из казаков, из уральских.

— Воровское племя, — оскалившись, пробурчал Зубатов.

Луговой резко обернулся на реплику и не нашел слов.

— Если ты не в курсе, — он снова бросил взгляд на Кульчицкого, — я тоже из казаков, из кубанских. Что ж ты братьев своих на позор выставляешь?

— Я сам за себя.

— Не угадал. Ты не на хуторе, каждый казак за свою неправду на казачьем кругу отвечает.

— А где тут круг? Советская власть казачью вольницу упразднила, — Кульчицкий позволил себе усмехнуться.

— Пока я здесь замкомвзвода, мой взвод и есть круг. А вольница здесь ни при чем. Кое у кого нет ни совести, ни чести. Взять чужое — то же самое, что предать. Как в давние времена — возьми свой хабар, свой трофей в бою, рискни головой, но крысятничать — это не по-казацки...

Луговой не ругался, он вообще не умел ругаться, а его вкрадчивый голос вкупе с полуулыбкой действовал безотказно, убеждал. Это как талант — ему доверяли. Луговой смягчился, на его лице отразилась тень снисхождения. Наверное, он бы простил отступника, если б дело касалось только его лично, но он командир, и значит, не свободен.

— Игорек Якубов хочет добавить. — Волчков посмотрел на инициатора собрания, на скулах которого неустанно играли желваки. Тот хотел большего: расправы, оскорблений и обсуждением никак не удовлетворялся.

— А что добавлять? У древних персов руку за воровство отрубали.

— Га-га-га, Москва точно одобрит, голосуем... — Зубатова в его порыве никто не поддержал, и он нехотя уgomонился, озираясь по сторонам, ища, на кого бы тут опереться.

— Вот идиот.

— Поактивнее, товарищи комсомольцы, как-никак судьба человека решается.

— Вовчик уже подумал, во что вляпался, по нему видно, как он переживает, — Кошелев его защищал, но если спросить, зачем он это делает, вряд ли бы ответил. Голосовать за исключение из комсомола, поднять руку он не мог, ему было страшно вершить чужую судьбу.

— Какой он тебе Вовчик? — зло бросил Якубов, уставившись на Кошелева исподлобья. — Вора хочешь оправдать?

— Ты не понял, Игорь, я его не оправдываю. Ты прав, никто не спорит, просто все меняется.

— Ты что-то вокруг да около... Простить, что ли? — Он поднялся со своего стула, развел руки, оглядывая собрание.

— Я так думаю, что Кульчицкий свою судьбу решил сам, без нашей помощи. У него был выбор, когда он позарился на чужие деньги. Брать или не брать? Вот в чем вопрос.

— Га-га-га, у нас свой Шекспир!

Платов отмахнулся от Зубатова, как от злобного комара, и тяжелым взглядом посмотрел на взводного ренегата. В голове мысль о краже не умещалась, но человека было жаль, и в этом он походил на своего друга Лугового. Возможно, больше никогда Кульчицкий так не поступит, руки будут гореть от прикосновения к чужому. Платов подумал о персах, ну правильно, будут гореть, если ему сейчас не простят. А если простят...

Чесноков, сидя рядом с окном, давно и мечтательно смотрел во внутренний двор. Там в тенистых местах еще держались островки снега, набухали первые тополиные почки, там же рота второго курса готовилась к выходу на полигон.

— Что-то жарко у нас стало, товарищи комсомольцы, охолонуть бы.

Он приподнялся со стула и приоткрыл форточку, впустив в учебный класс свежий воздух, сквозняк, а вместе с ним законный весенний гвалт, сквозь который прорывалась ротная строевая песня. «Священные слова «Москва, за нами!» Мы помним со времен Бородина...» — старательно, под строевой шаг выводил запевала.

— Ну вот и скажи, Честный, что ты об этом думаешь.

— А что тут думать? Все просто. Кульча, ты — вор, и как мы в одном взводе служить будем, не представляю. Это невозможно. Так что, ты не обижайся на ребят, этого никто не понимает! Впереди лейтенантские погоны, и вот представь: офицер и — вор... Как это вообще можно связать?

— Честный! — попытался оправдаться Кульчицкий.

— Ты опоздал, — перебил его раздраженно Чесноков.

И Кульчицкий вдруг понял, что обратной дороги для него нет, что ни начальник училища, ни командующий округом, ни даже министр обороны его не спасут, не они решают его завтрашний день, а вот эти сопляки, равнодушно взирающие на его унижение. Он одной рукой мог бы придавить любого из них, он был коренастым, жилистым, с широкими крепкими ладонями, но сегодня они оказались сильнее. Как так вышло? С Якубовым получилось глупо, дружили ведь. Чертовы деньги. В своей сельской глухомани он никогда не видел столько *четвертных*, новых, хрустящих, только из банка. От бессилия он заскрежетал зубами, но тут же необъяснимо, помимо его воли, на ресницах навернулись слезы. Жизнь проиграна, жизнь! Он вдруг рухнул на колени посреди комсомольского собрания на этот надраенный, на этот сверкающий паркет так, что все невольно от него отшатнулись.

— Ребята! Простите!

— Повинную голову меч не сечет, — продолжал убеждать себя Кошелев.

— Встань, Кульча, это дела не решит. Прими, как есть, — Чесноков оставался мрачным и твердым.

— Ребята!

Над взводом, над комсомольским собранием повисло неловкое молчание. Его услышали, ему сочувствовали, зерно сомнения запало в душу каждого из тех, кого Кульчицкий считал сопляками.

— Игорек, Якубов, — из дальнего угла комнаты подал голос Стародубов. — Ты настаиваешь?

— Старый, и ты туда же. Коней на переправе не меняют.

— Ребята, я прошу вас!

— Кульчицкий, ты на всех смотрел свысока, — высказался Китаев, на этот раз он брови на лоб не задирает. — А что теперь? Тебе не верят. Ты что, не понимаешь? Хватит на жалость давить, вставай. Я, знаешь, тоже иногда на некоторых свысока так посматриваю, недоумки везде встречаются — но воровать? Извини, ребятам неловко, что ты в нижней позиции. Мы нормальные парни, нам этого не надо.

— Куприн, скажешь что-нибудь? — Волчков в нерешительности оглядел взвод, оттягивая голосование, и остановился на единственном взводном либерале. — Дело-то важное.

— Что ты хочешь услышать? Все уже сказано. Кульчицкий устраивает сцены раскаяния, а мы не понимаем его душевных терзаний. Или наоборот — сердобольные зрители должны прослезиться, понять свою ничтожность. Извини, приятель, — он посмотрел на Кульчицкого, — не получится. Пора завязывать с этим фарсом. Я, конечно, не Достоевский, не Толстой, но по сюжету зло должно быть наказано. Ты сам выбрал эту роль.

— Ну, кто еще скажет?

— Короче, голосуем, хватит уже.

— Давай, Колян.

— Товарищи комсомольцы, — Волчков провел рукой по влажному лбу, снова огляделся, надеясь увидеть что-то, что все изменит, остановился. — Поступило только одно предложение... Кто за исключение из комсомола ...

Кульчицкий все так же стоял на коленях. А над ним поднимались двадцать четыре руки его бывших товарищей, они хотели, чтобы он стал изгоем.

Этого парня Платов рассмотреть так и не сумел. Тот стоял у фанерной трибуны рядом с комбатом посреди широкого, плохо освещенного казарменного коридора, а взвод Платова сидел на табуретах в самом конце батальонного собрания. Лейтенант после ранения только что вернулся из госпиталя, и через неделю ему предстояло возвращаться в Афганистан. Курсанты приподнимались, тянули шеи, хотели получше и расслышать и рассмотреть героя, прошлогоднего выпускника их училища. Но, похоже, он не чувствовал себя героем и рассказывал так, будто только что вернулся из кинотеатра, где увидел шикарный, красочный вестерн с погонями, стрельбой и теперь пытался его пересказать. Вот он со своими солдатами обкладывает какой-то большой дом с высоким глинобитным забором, они распахивают большие тяжелые ворота, врываются в просторный двор. Он, командир, идет вместе с дозором, надо проверить, кто находится внутри дома. И вот из глубины двора душманы открывают огонь. Бойцы стреляют в ответ, рвутся гранаты, грохот, пыль, лейтенант ранен, его выносят солдаты. Потом был танк, который расстрелял этот не сдавшийся дом, потом был госпиталь... И вот ему скоро уезжать обратно, на войну.

Рассказывал он буднично, как-то сухо, не расставляя акцентов, и Платов, курсант последнего курса, так и не понял, в том бою все было правильно или нет? Ответ на этот простой вопрос ему казался самым важным, почти сакральным. Лейтенант был первым, кто пришел с настоящей войны, и он хотел от него услышать что-то такое... Наверное, то, что мы самые лучшие...

Выйдя на малый плац во внутреннем дворе, курсанты чиркали спичками, затягивались табачным дымом. Близился к концу апрель, где-то на таежных опушках или на городских газонах, купаясь в запахах талого снега, прелой земли, пробивались на свет первые подснежники, пролески. Где-то южнее, в далеких афганских горах, открывались после зимней стужи перевалы.

— Что скажешь? — Куприн прищурил правый глаз, сквозь дым разглядывая приятеля.

— Хотелось бы понять, что изменилось за сорок лет. Боец Красной Армии с ПППШ против фрица со шмайсером на Фридрихштрассе. Или нынешний солдат с Калашниковым против такого же Калашникова, только китайского, в окрестностях Кабула. Один в один. У нас что, никакого преимущества? Так что ли?

— Не совсем. Побеждает тот, кто лучше подготовлен.

— Тот, кто злее.

— Тот, кто уверен в себе.

— Короче, тот, кому это больше надо, — подвел итог Платов.

— А по-моему, этот летеха не слишком уверен в себе, — Куприн, не торопясь, красиво смахнул пепел с сигареты, бросил на товарища ироничный взгляд.

— Будешь тут уверен, когда завтра возвращаться на войну, и никто не скажет, чем твой вояж закончится.

— То есть он не из тех, кому это больше всех надо...

Они переглянулись, вопрос интернациональной помощи в Афганистане под сомнение никто не ставил, они — военные, которых учили точно и в срок выполнять поставленные задачи. Может быть, их чуть беспо-

коили эти дикие рапорты о садах, плотинах, шефской помощи... Они и в двадцать лет уже знали, сколько в них показушного блеска, а иногда просто вранья. Все это не укладывалось в военной голове Платова: посадить сады афганцы сумели бы и сами, чем собственно они и занимались все последние столетия.

— А нам вообще это надо? — Кислое выражение на лице Куприна как-то само подсказывало ответ.

— Ты же знаешь, что в мире происходит. Мы теперь с легкой руки дяди Рейгана стали империей зла.

— О-о! Это высокая честь. В свое время такой чести римляне удостоивались.

— Вот и мы, как римляне, держим на границах свои легионы, у нас там сплошь одни враги: что Иран, что Турция, и Китай туда же... Так что Афганистан терять нам никак нельзя, союзников беречь надо, собирать по крупицам... — Платов давно знал этот приграничный список и все равно удивлялся, почему врагов так много.

— А сами афганцы что хотят?

— То же, что и все — жить в мире, и мы им в этом помогаем.

— Ага, помощники нашлись. Четвертый год пошел, как мы впряглись, а воз и ныне там. Мы фашисту в четыре года шею свернули. Непонятно, что на самом деле там происходит. Надо как-то завязывать, а то у нас выпуск скоро, — неуверенно произнес Куприн.

Дядя кого-то Афган — судьба. Это еще не было открытием, но под ложечкой посасывало, только и приходилось надеяться, что все когда-нибудь закончится.

— Бросить афганцев на произвол? Вопрос. Эти банды, что в Пакистане готовят, их в три месяца передушат, как цыплят.

— Вот ты нашел, о чем беспокоиться. Мы, что, теперь в заложниках? И что за доля у нас такая, вечно занимаемся не своим делом.

— Как это не своим?

— Вот сам посуди. Какого черта Суворова занесло в Альпы? Помочь австрийцам, союзничкам, а как же. Уже тогда интернационалистами были, только не признавались в этом. Прикинь, имперский интернационал! А что? Неплохо звучит, свежо для восемнадцатого века.

— Не перегибай. Сложилась коалиция, вот мы и действовали соответственно. — Платов и сам чувствовал, что говорит казенно, как по трафарету, но по инерции получалось именно так. Рязанский мужик оказался за тысячи верст от своей земли, от своего очага. Что за дело ему до зажиточной Европы, до чужих королей и революций? Он был императорский солдат, вот в чем было его дело.

— Заграничный поход Александра I, Европу от Наполеона освободили. Сколько народу нашего положили, пока до Парижа дошли. Вот такая беспомощная Европа! Чуть что, ничего без русских сделать не могут, а нам-то зачем?

— Олежек, Наполеон был опасный враг, мы для него — азиаты, смяли бы нас как народ. И мы пошли в Европу, чтобы уничтожить самую опасность. Можно подумать, ты не знаешь.

— Да, Ваня, всему ты оправдание найдешь.

— Не придумывай, никого я не оправдываю. У истории есть логика. Давай, тогда и Балканы вспомним, освобождение сербов и болгар от турецкого ига. Или оно того не стоило?

— Стоило, стоило, но что в сухом остатке? Где эта маржа? Они хотя бы

помним, кому обаяны свободой? Что ты удивляешься — болгары в двух мировых войнах против нас были. А мы опять на те же грабли наступаем.

Платов затянулся почти погасшей сигаретой, с Куприным не поспоришь.

— Прагматичные интересы — это еще не все. Я так думаю, интернационализм, солидарность у нас в самом сердце.

— У кого это у нас?

— У русских, — Платов оценивающе посмотрел на товарища. — Не у партийных или беспартийных — у русских. Ну, другие мы, по природе своей другие. Не подходим мы под западные лекала.

— Хорошо, что пояснил, — усмехка скользнула по губам Куприна, — но с интернационализмом ты перегнул. Такого слова-то раньше не знали.

— Слова не знали, а суть была. Когда у соседей дом горит — как не помочь? Кто-то и в стороне постоит, но не мы. Всем селом тушить выходили, общиной. Может быть, поэтому русский люд так легко поддавался на авантюры, уходил черт-те куда, спасти чьи-то души и шкуры, часто не имея никакой выгоды.

— Так уж и не имея? — Куприн недоверчиво хмыкнул. — Погуляли за Волгой, осмотрелись, а потом царю-батюшке Сибирь на блюдечке поднесли с довеском в виде Сахалина... А насчет Балкан соглашусь.

— Хоть в чем-то, и то хлеб.

— Ну так, редчайший случай, духовный порыв всего народа — освободить единоверцев. Да-а, и тысячи русских семей потеряли своих близких на праведной войне... И насчет Испании заранее соглашусь, интербригады и наши спецы — это классика, мимо нее не пройдешь.

Перекур заканчивался. Тщательно размяв окурочек о край урны, отряхнув ладони, подошел Скрачченко.

— Что, все дебатлируем? Семинар только завтра, а вы и сейчас как на кафедре.

— У нас, Валера, скучный разговор.

— Ага, о вреде интернационализма для национального сознания, — сухо подтвердил Куприн.

— Это сильно вас крутануло после лектория. Ну, насчет вреда не поспоришь, у меня тоже есть свое мнение. — Платов с Куприным переглянулись. — Что там Испания? Когда это было? Мы и сегодня конфликты один за другим разгребаем. Куба не так давно, Вьетнам. Это все знают. А Сирия, Ангола? Зачем только это нам надо? Они нам даже не соседи, а по разрезу глаз и по цвету кожи — так и не родственники. Что скажете?

Скрачченко победно оглядел приятелей, приподнял подбородок, он неплохо высказался о соседях, теперь был ход за двумя взводными умниками. У них, что ни разговор, все одно: геополитика, супердержавы, мировое господство. На их глобальную карту с чужими военными базами и синими стрелами поставлено все вплоть до ядерного удара. Но это же смешно, кто поверит, что эти стрелы когда-то сработают. Кто поверит?

Платов рассеяно достал сигарету, снова собираясь закурить.

— В том то и дело, мы их не бросили. Могли бы. Сыпались бы бомбы с «фантомов», горели бы города, кровушка бы текла ручейками, а мы стояли бы тихо в сторонке, оглядывая мир с высокой Кремлевской стены. Вот как ты себе это представляешь?

— Никак. Стран в мире много, проблем еще больше. Нас на всех не хватит. И ради чего?

— То, что мы помогаем другим странам... Может быть, все это нера-

ционально. Советь тоже нерациональна, нет такой системы мер и весов. От нас, от Союза, стали зависеть судьбы народов, они пошли за нами, они нам поверили. Разве нет?

Пока Платов разминал сигарету и выдавал свой вымученный монолог, приятели слушали его внимательно, не перебивая, ему и самому казалось, что он вот-вот откроет еще одну дверь на пути к истине. Сколько там еще этих дверей?

— Ага, мы их приручили...

— Что-то в этом роде...

— Зачем это нам? Ну, чтобы судьбы мира зависели именно от нас, от тебя, от меня? — Куприн повторялся. — У каждой страны есть своя дорога. Вот пусть они идут своими дорогами. А у нас, знаешь ли, свои тараканы... Закрома полные, магазины пустые. Это что, наша дорога? Как одеться поприличнее, так все по благу. Я тут джинсы себе искал, ты знаешь, сколько стоят?

— Олег, ты это все к чему?

— К тому, что страна у нас богатая, а вот люди... Не знаю, как это получается, но я нутром чувствую, что это как-то связано и с интернационализмом.

— И я про то же, — сразу ухватил мысль Скратченко. — Домой, в Луцк, приезжаю, у меня только и спрашивают, что там, в Москве, нового? Приходитя оправдываться, что я не в Москве, а в Сибири, им все по барабану: раз у москаликов, значит, в Москве.

— У кого?

— У москаликов, у москалей. Ну, украинец — это хохол, русский — москаль. Не слышал, что ли?

— А-а, понятно, что-то слышал. А о чем спрашивают?

— Как что? Когда весь этот бардак закончится. Ну, хотя бы Афганистан.

Хотя бы... Мы искали себе друзей, чтобы не быть одинокими, но все наши друзья были слабее нас, их надо было защищать, и мы ввязывались в чужие, не нужные нам войны. Что в итоге? Многие ли из этих друзей нас ценят, например, те же испанцы, которых полвека назад мы спасали от германских авиабомб? В прошлом году они вступили в блок НАТО. Зачем? Кто им угрожает? Со своими басками они и сами бы разобрались, если бы захотели.

— Курильщики, перекур давно закончился, поднимаемся на самоподготовку, — одернул их Чесноков.

— Честный, не будь занудой, уже идем.

— Я ваше здоровье берегу. И вообще, капля никотина убивает лошадь.

— Ты спортсмен, тебе нельзя, а нам, чернорабочим холодной войны, все можно, нас никакая зараза не возьмет.

— Вперед, чернорабочие.

* * *

Ночь сгустилась окончательно, скрыв и горизонт и рошу «Круглую» — под таким именем она обозначалась на тактических картах. Луны сегодня не будет, но кое-где уже проступили первые неяркие звезды, обозначив черную глубину неба. Условия для ночной стрельбы почти идеальные, можно начинать.

— Экипажи! К бою!

На вышке управления танковой директрисы подполковник Гаранин, старший преподаватель кафедры огневой подготовки, чей угрюмый характер и скрипучий голос знали все курсанты училища. Еще у него были узкие, плотно сжатые губы и серые глаза, наполовину прикрытые ресницами, сгоревшими под далеким южным солнцем. Сегодня он руководитель стрельбы, и это значит, что поблажек не будет.

Топот ног экипажей по броне, стук крышек люков ненадолго перекрыл работающие дизели боевых машин пехоты. На исходном рубеже их не глушили, и низкий рокот моторов кругами расходился до невидимого горизонта, делал ночной воздух вязким, волокнистым, как вата, как плотное облако, зависшее до утра над полигоном, в котором терялись все ночные звуки.

Чуть напряглись моторы, выбросив из эжекторов дизельный выхлоп, качнулись, удаляясь, кормовые габаритные огни.

— Мишени танков, вперед!

Оператор мишенного поля поднял большие фанерные щиты, раскрашенные в цвет хаки и соответствующие по размерам американским «Абрамсам» и германским «Леопардам», хотя ночью их камуфляж не имел никакого значения. На выстрел из орудия у Платова двенадцать секунд. Больше нельзя. Через двенадцать секунд и «американец», и «немец» согласно нормативу его «уничтожат», в их танках и дальномеры, и автоматы зарядания, и стабилизаторы орудий, БМП для них слишком легкая добыча. Однако курсанты так не считали. Ночной прицел выхватил из тьмы мутно-зеленый, мерцающий контур мишени, больше похожий на нечеткое пятно. Платов тоже был обнаружен и тоже «светился» во вражеском прицеле, таковы условия задачи, теперь — кто быстрее.

— Короткая! — крикнул Платов, не отпуская глазами цель, которая уже накатывалась на линию огня.

Механик-водитель мягко погасил скорость. В бою он бы уже покрылся испариной, ожидая смертельный вражеский выстрел, а здесь без дрожи в коленях, с ровным дыханием в сотый или двухсотый раз он вывел машину на рубеж открытия огня.

Восемь секунд. Девять. Выстрел! БМП рванулась с места, опережая учебного врага, в прицеле вместо трассера реактивной гранаты возникли и закачались редкие звезды, потом снова — контуры черной земли, мишени не было. Это означало, что она поражена и упала, или что Платов ее не обнаружил. Слева опускалась мишень Лугового, пробитая трассером. Разворачивая башню вправо, Иван увидел уходящую чужую мишень, по которой никто не стрелял. «Китаев проспал, странно», — мелькнула мысль. Уже поднимались мишени гранатометных расчетов.

— Дорожка!

Машина продолжала медленно продвигаться вперед, вибрировала, и только вторая плотная очередь из башенного пулемета настигла и опрокинула «гранатометчика». Сейчас поднимут атакующую пехоту, неудобные мишени, узкие, но патронов в ленте еще много, есть чем повалить фанерных засранцев.

— Прекратить стрельбу, — раздался в шлемофоне скрипучий голос. — Всем прекратить стрельбу! Отбой! Отбой!

Все последние секунды Китаев судорожно искал танковую мишень, вращал башней БМП в надежде успеть сделать выстрел. Счет времени им был потерян, а вместе с ним и ориентация в пространстве. И вот его ноч-

ной прицел нацелился на устойчивый зеленый контур. Ему оставалось только отличить картинку танковой мишени от квадрата оконной рамы на вышке управления, освещенной бледным сигнальным фонарем. Большой палец чуть вздрагивал на кнопке спуска, готовый нажать и отправить гранату в цель. Увидеть Гаранина в проеме окна Китаев не мог.

— Отбой! — еще раз бросил в микрофон радиостанции руководитель стрельбы, почувствовав давно забытый металлический привкус на кончике языка. Так уже было когда-то, в Египте. Стволы орудия и пулемета заблудившейся в потемках машины смотрели ему прямо в грудь, наглухо затянутую старой армейской шинелью и такой же старой португеей.

— Оператор! Ложись!

Оператор ошеломленно, не понимая, повернул к нему лицо.

— Ложись, черт! — Он сильно ударил ногой в стул, опрокидывая его вместе с солдатом в угол помещения. Самому выполнить эту единственно верную команду не позволял внутренний стержень, вбитый ему в самую печень в офицерской молодости, а также плохо гнущийся позвоночник. Со времен арабо-израильской войны, когда вокруг него, молодого инструктора, сыпались гирлянды авиабомб, он не был так раздражен от нелепости происходящего. Но там была война! А здесь? Еще никогда в него не целился свой же курсант. Значит, плохо учил.

Гаранин видел, а точнее, знал, что происходит. Его глаза, привыкшие к темноте, сразу выхватили направление, где и через двенадцать секунд, и через двадцать четыре секунды не было ни первого, ни второго выстрелов. Это значит, оценка «неудовлетворительно», редкая оценка. Теперь орудие машины и спаренный с ним пулемет смотрели ему в самую душу. Он так и не сдвинулся с места, вглядываясь в ночь в ожидании одной-единственной реактивной гранаты, которая проломит ему ребра и отправит на небеса. Пульс вместе с секундной стрелкой отсчитывали время, вытягивали его, но выстрела так и не произошло.

— Отбой, — в который раз, уже спокойнее, скомандовал руководитель стрельбы. — Разряжай! О разряжании доложить — выполнять!

После прекращения стрельбы взвод собрался на вышке у Гаранина.

— Что, сынки, похоронить меня решили с почетом на старости лет? Ну да, без почета старому вояке никак нельзя. Три года назад в Новосибирске на полигоне вот так же всадили гранату в вышку управления. Много было битого кирпича, однако. Но там солдаты, а вы...

Курсанты стояли, потупившись, у большинства из них в голове не уместалось, как можно было потерять сектор стрельбы, если машина не меняла направления и двигалась только вперед.

— Товарищ подполковник, чай вскипел, — объявился расторопный оператор директрисы.

— Чай у него вскипел. Где ты видел, чтобы чай кипел? Эх, учить вас всему... Ну, раз нет водки, неси чай. — С четвертым курсом Гаранин мог шутить, хотя шутил он странно, не разжимая губ, не улыбаясь. И смеяться над его шутками до этого дня никто не решался.

Между собой его звали «дед» или более возвышенно: «человек с красным лицом». И то и другое означало уважение. Жилистый, сухопарый, он много лет носил одну и ту же шинель, выгоревшую на солнце, задушевную на морозе и, вероятно, не согревавшую его, но шинель он не менял.

— Товарищ подполковник, шинель у вас уж больно древнего по-

кроя, — подыграл Гаранину Зубатов, не удержавшись от сарказма и намекая на древность самого подполковника.

— А что, пошита хорошо, облегает плотно, это я в Москве после академии заказывал. Умели шить, черти... В чем твой вопрос, курсант?

— Так ведь по нормам вещевого довольствия каждые два года можно шить.

— От добра добра не ищут. Вот смотри. — Он поманил к себе Зубатова. — Видишь — одна дырка, другая, третья?

— Моль, что ли...

— Товарищ курсант! — взметнулся Гаранин, отчего его лицо привычно стало красным, а голос закрипел, как заскорузлое железо. — Это осколки ваших долбаных боевых гранат, которые вы не добросили до окопа на стрельбах и учениях! Как можно на что-то променять такую шинель, она столько испытала на своем солдатском веку!

Гаранин аккуратно провел ладонями по грубому шинельному сукну, сжал сухими пальцами складки рукава, было видно, что он смягчился.

— Товарищ подполковник...

— Отставить болтовню.

— Да я...

— Товарищи курсанты, — подполковник не обращал внимания на бледную физиономию Зубатова, — главное в жизни офицера — не война, а готовность к войне. Уяснили? Ну и где эта ваша готовность? Есть неизбывный постулат: если страна готова к войне, почти наверняка войны не будет, ни одна сволочь не рискнет напасть. Но если какая-то сволочь и рискнет напасть на страну, готовую к войне... она очень горько об этом пожалеет.

Его лицо снова стало красным, с тонкими фиолетовыми прожилками, и в этот момент он был похож на закаленного в драках матерого степного волка и совсем не был похож на деда.

— Запомните, офицеры — это элита страны, ее фундамент. Зная, что вы есть, страна спит спокойно, работает спокойно, дети в школе учатся. Вы должны знать свое предназначение, это ваш крест. Несите его. — Тяжелым взглядом Гаранин оглядел столпившихся курсантов. — С лирикой все. Где этот герой-отличник?

Китаев, всегда получавший твердые зачеты по огневой, неловко протиснулся из-за спин товарищей, точнее, его вытолкали в первый ряд.

— Я, товарищ подполковник.

— Что «я»? Головка от патефона!

— Товарищ подполковник, курсант Китаев. В ходе выполнения учебной задачи потерял ориентировку, цель не обнаружил, продолжил разведку противника и местности.

— И? — Гаранин набычился, выслушивая доклад. — И был уничтожен вражеским танком. А следом и твой взвод сожгут. Так, командир взвода? Не заставляй своих солдат быть героями. Родине не нужны их горевшие трупы, Родине нужны их победы. Ну а у руководителя стрельбы запрашивается самый простой вывод: сынок, тебя нельзя подпускать к оружию. Тебе понятно?

— В общем, понятно.

— Даже не возражает! И что за курсант такой пошел! — Подполковник крикнул с досады. — Ну, если ты такой соглашатель, Китаев, служишь тебе в ДальВО, где-нибудь в болотах и плавнях в Амурской области, как раз рядом с китайцами, где нет БМП, а на бронетранспортерах

забыли поставить пулеметы. — Гаранин повел плечами и, подняв голову, осмотрел всех усталым дедовским взглядом. — Я вас готовлю не к пляжам Таити, а к окопам где-нибудь в Сирии или в Афганистане. Уяснили, сукины дети?! Надеюсь, что уяснили. Все, с лирикой закончили. Старший сержант Луговой, вся ночь в нашем распоряжении, очередным экипажам получить боеприпасы. Готовность к стрельбе — пять минут.

* * *

После очередного романтического увольнения в город Костя Луговой вернулся печальным и задумчивым.

— Чурбан я неотесанный.

— Вот так резюме! Я-то думал, что мой друг — бравый старший сержант, казак, готовый к защите Отечества, а оказывается...

— Она такая легкая, воздушная, — не слушал товарища Луговой. — А как она смеется! Вчера рассказывала мне об итальянском Возрождении, о Микеланджело, о Данте, а я слушал и пятнами покрывался — я же ничего об этом не знаю. Ни-че-го!

— Зато ты знаешь, как устроена боевая машина пехоты и как ее применять в реальном бою. А еще у тебя всегда есть свежий носовой платок, как того требует Гаранин, которым ты в любой момент готов удалить соринку из глаза своей дамы.

— Это немного успокаивает. — Он с усмешкой вздохнул. — Но я общался со студентками, с ее однокурсницами, веселые девчонки, занозистые. Ты знаешь, это совсем другой мир, они из другого мира, они свободные. Им не надо каждое утро докладывать, что происшествий не случилось, они даже на лекции могут проспать. Прикольно, да?

— А мы не можем, Костя. Мы — военные. Тоже прикольно — для них.

— Военные... Ты так говоришь, как будто Маяковского читаешь.

— Костя, друг, нас за это и любят, мы не просто военные, мы — особенные.

— Я боюсь ее потерять.

— Рад за тебя, твоя жизнь обрела смысл.

* * *

Медлительно течет Иртыш, широкий, огромный. Четыре года подряд, каждое утро Платов, как и вся рота, бежал вдоль берега, будто сопровождая ее могучее движение к океану.

Рядом с Платовым, подобрав локти, не напрягаясь, бежал все тот же Олег Куприн. Хорошо сложен, скуластое лицо с очерченным подбородком, прямой нос подчеркивали его упрямый характер, васильковые глаза этот характер смягчали. Он был красавчик и знал об этом, но в отличие от приятелей на томные женские взгляды не реагировал. Ему особенно шла короткая стрижка с длинной челкой, и сегодня эта челка чуть вздрагивала в ритм утреннему бегу.

— Раз, раз, раз... Бежать в ногу. Рота-а!

Ежедневный кросс три тысячи метров — с него начинается очередной служебный день. Когда-то кросс был испытанием, выматывал напрочь, сейчас — игрушки, более того — необходимость. Подышать свежим ветром с Иртыша, посмотреть на девчонок, спешащих в ранний час по своим делам, проводить взглядом идущий на посадку ТУ-154...

— Настоящий военный должен быть выносливым и крепким, — для Куприна это был незыблемый постулат.

— Например, как мы с тобой, — с иронией добавил Платов.

— Ну, где-то так. Кому нужна немощь, тряпка?

— Риторический вопрос.

— И риторический ответ — никому. Ни бабе своей, ни Родине.

— Матери только.

— Сантименты... Если сильно подопрет, эта немощь ни мать, ни семью не защитит. А поэтому... поэтому он никому не нужен, — сегодня Куприн был не в духе, наверное, не выспался.

— Купер, смотри, какие девчонки по лестнице поднимаются.

— Вижу. Куколки. Эх, вот где жизнь!

Чувствуя на себе любопытные взгляды десятков парней, девушки задержали шаг и оглянулись, хихикая.

— Таких и я не прочь защитить.

— Рота, не растягиваться! — И старшина сегодня был не в духе. —

Раз, раз, раз...

— Купер, война будет?

— Афган что — не война?

— Я про настоящую.

— Ты вчера вечером водку пил или того... травку покуривал? — Куприн скоил взгляд на приятеля, оценивая ход его мыслей.

— Скоро в войска.

— И какой вывод?

— Там будет горячее. Куда ни ткнишь, вражеские базы по всему периметру.

— И черт с ними... Тоже мне новость... Каждый суслик знает.

— Чехова читал? Если в первом акте на стене висит ружье...

— То оно обязательно выстрелит? Если расслабимся. — Куприн усмехнулся. — Ты такой серьезный, будь проще, всему свой срок. Вон ребята идут, пошатываются, и ни о чем у них голова не болит.

По Набережной, по газону, влажному от росы, сторонясь ротного строя, шли два парня, по виду студенты. Подняв воротники курток, пожевываясь, они пытались бороться с утренним сквозняком. Ну, ладно, курсанты, которым кросс прописан, как витамины, этим-то худосочным куда в такую рань? Один из студентов нес в руках «Весну», старенький кассетный магнитофон. «Идет охота на волков, идет охота на серых хищников матерых и щенков...» — хрипел слабенький динамик, рассказывая о чужой волчьей правде, но дружный, монотонный топот курсантских сапог забивал его нечеткий приглушенный звук, оставляя сочувствия где-то за спиной. «Кровь на снегу и пятна красные флажков...» — доносилось уже издалека.

Платов вернулся к своим неслучайным размышлениям. Что нас всех ждет? Мы начинаем войны, нам их навязывают. И мы (собственно, кто такие мы?), русские, Россия, Союз, как эти волки, обнажаем клыки и защищаем свою землю, свой дом. Скоро он станет офицером, его дорога выбрана. И он опрометчиво думает, что сделал этот выбор сам. Точно так же думают десятки тысяч других парней по всей стране, надевших погоны, не осознавая, что многое в их жизни заранее предопределено. Ручейки их жизней вливаются в великую реку русской судьбы, это и есть начало... Какой хороший воздух апрельским утром, свежий после ночи, с ним приходят такие же свежие мысли даже вот так, на бегу, в строю. Не

мы выбираем дороги — дороги выбирают нас, сегодня это набережная Иртыша, так Ваня? Или все же Вольтер? Платов улыбнулся про себя. А завтра — группа войск где-нибудь в Европе...

— Раз, раз, раз, — где-то сзади продолжал бубнить старшина. В ногу бежать все же легче.

Накануне государственных экзаменов батальон отправился в учебный центр, в пригород Омска, зарабатывать свои последние оценки. Это была вольница, свобода окрылила, никто не хотел думать, что и кого ждет завтра. За кромкой ближайших недель сплошной пеленой стелился непроницаемый туман будущего... До заветных лейтенантских погон оставалось всего-то...

— Наших бьют, — несло над ночным палаточным городком. — Догоняют и бьют, — подтверждал нетрезвый голос.

В палатке второго отделения неохотно начали просыпаться, зашевелились. Поднялся Кошелев, покрутил головой, пытаясь понять, один он такой суетливый или есть еще кто.

— Юрец, спи себе спокойно, *не гонишься*.

— Вроде наших бьют. Надо помочь. Зовут же.

— Кошелек, лежи, не дергайся, помощник нашелся, — Чесноков недовольно перевернулся на другой бок. — Игорек Якубов опять ввязался в драку. Как выпьет — одни разборки.

— Эти твари нас ногами били, ногами, — нестройно несло от палатки к палатке.

Уже никто не спал. Сонные голоса чертыхались и на Якубова, но больше на Кошелева, тот всегда был человеком толпы и сейчас делал то, что он не хотел делать, что не хотел делать никто. Авторитет товарища, собирающего бойцов для отмщения, его давил, сильно давил, проверяя на «слабо».

— Вы че, все еще спите? Наших бьют, — ворвался в палатку Якубов, вращая белками глаз. Зубатов и Китаев в ответ на призыв подхватились, стали быстро собираться, натягивать сапоги.

— Три часа ночи. Какого черта, Игорек? — Куприн успел разозлиться, но это уже ничего не меняло, движение пошло. — Что ты всем проблемы создаешь?

— А что, слабо с шибаями схлестнуться?

— А ты, типа, крутой, уже схлестнулся, отхватил? По полной?

Озлобленный Якубов молча скрипнул зубами и пошел звать других. Платов сидел на нарах, переваривая *дурацкую* ситуацию. Три хулигана ввязались в драку с шабашниками, которые строят коровник в соседнем селе, скорее всего сами ее и устроили, теперь разбудили весь батальон, завели, разозлили, что дальше? За брезентом палатки уже слышался нарастающий топот многих десятков ног.

— Что делаем, Честный? Ты — командир, решай.

— Игорек, конечно, *оторва* еще та. Как он дальше служить будет, не знаю, — Чесноков помолчал, обдумывая, — но шибай руку подняли на курсантов.

— Честный, ну у тебя и логика! — Платов удивился, как можно все поставить с ног на голову.

— У тебя лучше? Обе роты поднялись, а мы тут рассусоливаем. Пойдем, что ли? Все равно не спать.

— Пойдем, — подвел итог Куприн. — Может, выручим кого, а то там все

под задачу попадут, кто по делу, кто за компанию. Видели, в каком он состоянии? Да и его дружки такие же. Наворочают дел — не расхлебаешь.

— Кто с ним был?

— Все те же, Карлов и Щербань, они своих поднимали, слышно было...

На пыльном земляном плацу учебного центра выстроился весь выпускной курс. Генерал Праценюк хмурил брови, подбирая слова, с которых следовало начать разбор недавней драки.

— Это дикость какая-то, вандализм!.. Это побоище! — наконец он нашел точную фразу.

Когда возбужденная толпа с Якубовым во главе прибежала в спящее село, которое местные называли военным совхозом, ночные танцы уже закончились. Ни людей, ни музыки в клубе не было, никто не собирался ждать рассерженных курсантов, и сам клуб был закрыт снаружи на всякий замок. Не помогло. Через пару минут все стекла в окнах клуба со звоном осыпались на подоконники, на отмостку фундамента; в пустующие проемы под предводительством Карлова забрался многочисленный передовой отряд и уничтожил все, что попало под горячую руку: музыкальные инструменты, усилители, колонки, розетки, выключатели, в общем, всю проводку, а еще и дверные косяки, кресла. Якубов со Щербанем вместе со своими приятелями искали по селу, у кого остановился бригадир строителей-шабашников. Вдвоем они вломались в дом, где скрывался бригадир, но справиться с ним не смогли, парень был под два метра ростом и дрался как медведь, пока кто-то третий не схватил его за шею сзади и сдавил кадык. Бригадира свалили, били долго, упорно, с озлоблением, его лицо превратилось в кровавую маску, попутно сломали несколько ребер. Никто не знает, чем бы все кончилось, но прибежавший Чесноков успел вовремя и, точно, хлестко работая кулаками, со спортивной легкостью раскидал зарвавшихся нетрезвых мстителей.

— Придурки! Мозгов нет? Захотели Германию на тюрьму поменять?

Все молчали, толпа в три десятка человек медленно внимала чужому рассудку.

— Тащите его к колодцу! Игорек! Что встал? Тащи его...

У колодца, рядом с которым горел одинокий уличный фонарь, бригадира долго отливали холодной водой, пока сквозь ресницы на его распухших, окровавленных веках не проявился мутный, отсутствующий взгляд.

— Живой... Молите бога, дебилы. Щербань, скажи своим, чтобы других шабашников не трогали.

— Да все уже, закончили. Нам этот урод нужен был. Его подручные свое получили.

— Теперь он точно урод. Отбивная котлета. С вашей помощью.

— А не надо погоны трогать...

Генерал, начальник военного училища, был доктором исторических наук, поэтому по ходу обличительной речи каким-то образом обошелся без нецензурной брани, без оскорбительных слов.

— Руководство училища провело служебное расследование, в ходе которого установлены все участники побоища. Вот они, эти субчики! Сейчас страна узнает своих супергероев! Токарев, зачитайте полный список. Всем, чьи фамилии будут названы, выйти из строя на десять шагов.

Всего в списке оказалось восемнадцать фамилий, одиннадцатым был назван Чесноков, двенадцатым — Платов, последним — Якубов. Наверное, были причины, по которым Карлову и Щербаню места в списке не нашлось. Чесноков толкнул Платова, вопросительно перекошил лицо: там же почти вся рота строем прошла, и соседей хватало, всего человек восемьдесят или больше. Тогда что означают восемнадцать фамилий? Платов только повел бровью, у него не было ответа. В этот момент, стоя в шеренге избранных, он философски, без сожаления смотрел в туман будущего, северный ветер остужал лицо, сырые волокна становились менее плотными, рассеивались. Ломалась судьба, ее битые осколки хрустели под подошвами хромовых сапог прямо посреди пыльного плаца. Северный ветер всегда дует на юг.

— Терпи, Честный. Мы — крестьяне с барской усадьбы, которые никому не нужны. Никто не вступится. Нас назначили отвечать за весь базар.

— Это копец, я в шоке, из нас дураков сделали! А ты что такой спокойный?

— Ты не поймешь.

— Да уж попробуй.

— Среди нас нет ни одного омского — ни Антонова, ни Куприна, ни Волчкова, ни Зубатова, ни других. Местных отмазали. Долго наш историк тему разрабатывал, неделя прошла. Нашел нужный исторический ход. Ни с кем не поговорили, всем рты заткнули. Но дело не в нем, черт с ним... Это судьба, понимаешь?

— Не совсем.

— Я никогда не думал о службе в Европе серьезно, наверное, это не мое.

— Афган твое?

— Там нужны лучшие.

— Бери выше — избранные.

— Товарищи курсанты! — генерал повысил голос. — Теперь я уже могу вам сообщить, что помимо прочего поступило восемнадцать мест на распределение в Туркестанский военный округ, в Термез. Можете не сомневаться, дальше — Афганистан. А эти субчики и есть прямые кандидаты в длительную командировку.

Генерал Праценюк, черноволосый, со стриженными усиками, лоцennyй, был невысокого роста, и в своем порывистом движении отчетливо походил на Наполеона, отправляющего своих гвардейцев на смерть. Стоя лицом к батальону курсантов, он вдруг резко обернулся, грозно сдвинул густые брови, вскинул руку:

— Кровью смоее свою вину!

Пафос настолько зашкаливал, что шеренга избранных с облегчением вздохнула: слава Богу, не на галеры... Зря он так погорячился. Если они и окажутся в Афганистане, то будут защищать Родину, так же, как все, а не срок отбывать. Кто-то же должен выполнять эту черную работу, хотя бы и они.

Якубов стоял, набычившись, демонстрируя окружающим свое презрение к происходящему, и глаз не прятал. Его никто не выдал, значит, был в этом какой-то смысл, а так отчислили бы из училища, или в дисбат мог загреть.

— Ну и что? Подумаешь, напугал, — басил его голос вслед генеральскому. — Афган так Афган. Реальным делом займемся, будем укреплять народную власть.

Их называли по фамилии, выдерживали из строя, оскорбляли... Платов никак не мог очнуться от происходящего, от нелепости. Почти все, что говорил Праценюк, было ложью. Никто ни в чем не разбирался, да и не хотел... Строчка в личном деле... Имеет склонность к нарушению воинской дисциплины... Подлюки, это же ярлык на всю жизнь! Даже не пытались понять, что произошло. Как они работают, эти комиссары, за четыре года человека не узнать? Где этот Токарев, гэпэушник недоделанный? И вдруг с опозданием его осенило: как где? Он же и составлял этот гладкий список для показательной порки, для казни...

— Игорек, ты же всех подставил. Ты это понимаешь? — Уже после построения Чесноков бесполезно сжимал кулаки. — Ты же гад, которого прибить не жалко.

— Я — гад, понимаю. Спьяну так вышло, но ребята за меня, за такого вступились. Вот и вы с Платовым вступились, значит, не совсем я гад. Логично? Ну, логично же. А вообще, прости, брат. Так вышло, — он скорчил виновато лицо, по большому счету безразличный к судьбе своих товарищей, в его глазах все так же играли бесовские искры.

— Ладно, Игорек, я от своего не отказываюсь. Но, похоже, что ты ничего не понял. Ребята не за тебя поднялись, а потому что военных трогать никому не позволено.

Каждый сам делает выбор, сам за него и ответит. Как оказалось, это был главный вывод уходящей... правильнее, ушедшей юности. Нет больше счастливого восемьдесят второго года, да и этот восемьдесят третий, что в самом разгаре, уже покотился коту под хвост...

